

ГЛАВА 8

Стать достойным мужчиной

В этой книге я рассказала вам о парнях, о том, как они себя воспринимают в плане маскулинности и секса, об их сомнениях, надеждах, периодических срывах и недостатках. Я рассказала о вреде, который они причинили другим людям из-за своей беспечности, безответственности, невежества или злого умысла. Иногда вред причиняли им самим. И, выслушав их истории, я задумалась: можно ли воспитать мальчиков так, чтобы из них получились достойные мужчины? Что нужно сделать, чтобы они воспринимали женщин и девочек как полноценных людей, достойных уважения, сопереживания и заботы в интимных отношениях? Как снизить уровень сексуального насилия, а когда правонарушения все же происходят, как добиться того, чтобы виновные понесли адекватное наказание? Что делать с такими парнями, как Лиам (глава 6), который боялся отвержения в случае, если признается в сексуальном проступке? Или Джексон — старшеклассником, который, напившись, отправил своим друзьям фотографии девушки, занимавшейся с ним оральным сексом? Когда все узнали об этом, одноклассницы перестали с ним здороваться. А на выпускной церемонии они демонстративно скрестили руки на груди, не аплодировали, когда парень поднялся на сцену, и не позвали его отпраздновать окончание школы. Он был обижен, оскорблен, будто *он* жертва. А Трент, третьекурсник колледжа на Западном побережье, которого не приглашали на вечеринки после того, как кто-то добавил его имя в список сексуальных насильников кампуса? Он взял академический отпуск на целый семестр (не объяснив причину родителям) и засел за книги о феминизме,

сексуальности и сексуальном насилии. Талантливый музыкант, он решил отказаться от выступлений, чтобы «дать место» женщинам и другим меньшинствам, которые мало представлены на сцене. Несмотря на это, в кампусе его встретили враждебно, и он не раз пытался покончить с собой. А Даррен, третьекурсник и член братства тоже из колледжа Западного побережья, который «облапошил» первокурсницу, тайно сняв презерватив? Отсутствие элементарных этических норм в сексе, изобличенное волной обвинений #MeToo, несомненно, закрепляется уже в раннем возрасте, и колледжи (а также старшие школы) не знают, как это исправить. Жертвы насилия не получают достаточной поддержки из-за школьной бюрократии; виновники несут наказание (хотя и не всегда), но считают себя обиженной стороной, так и не признав, сколько боли они причинили людям.

Это происходит, конечно же, только когда жертва подает официальную жалобу. Национальный опрос студентов двадцати семи кампусов показал: даже в самых жестоких случаях насильственного проникновения жертвы заявили всего о 28% инцидентов — и всего о 13% ситуаций, когда были без сознания [1]. При этом матери парней, осужденных за сексуальные правонарушения, искренне верят, что их сыновья ни в чем не виноваты, считают суд некомпетентным и инициировали резонансный ответный удар в адрес программ против насилия. Их требования, однако, связаны не с какими-либо реформами и справедливыми преобразованиями, а с возвратом статус-кво. Одна женщина, сына которой исключили из колледжа за секс с девушкой, бывшей без сознания, жаловалась в интервью *New York Times*: «В мое время то, что происходит с этими девушками, никогда не считалось сексуальным насилием. Мы говорили: “Да, я слупила и попала в неловкую ситуацию”» [2]. (На это можно ответить: действительно, так и было, но, к счастью, стандарты изменились. В 1970-х годах изнасилование в браке тоже не считалось преступлением.) Другая женщина, член делегации, которая встречалась с министром образования США Бетси Девос, по всей видимости,

считала, что в качестве полового воспитания достаточно велеть мальчикам «держаться за ширинку застегнутой» (хотя Девос, сторонница принципа полного воздержания, наверняка согласилась с ней) [3]. Существующая система, по-видимому, не приводит нас к пониманию, не залечивает раны, не заботится о справедливости. Где примеры, где идеи, которые способствовали бы дальнейшему развитию дискуссии?

А потом через Стефани Лепп — мою коллегу, которая ведет подкаст *Reckonings*, — я познакомилась с Анвен и Самиром.

«Сделай ее!»

Самир вырос в Лос-Анджелесе, у него четыре сестры, и он единственный мальчик в семье. Воспитывала его в основном мама, родом из Сальвадора, хотя он часто помогал в больницах и благотворительных организациях вместе с отцом — он родом из Пакистана и мусульманин. Как и многие ребята, он играл в видеоигры и занимался спортом. Никто никогда не говорил с ним о сексе и отношениях. «Мое половое воспитание ограничивалось государственной школой Лос-Анджелеса, — сказал он, — и тем, что я видел в интернете и СМИ: то есть порнография, триллеры для подростков, комедии, боевики, телепередачи и все такое». На его восемнадцатый день рождения дядюшки и кузены по материнской линии приобщили его к мужским ритуалам (и правам), а именно стали водить в клубы. Они сказали ему: если увидишь на танцах «горячую» девушку, нужно «подойти к ней сзади и прижаться. Она обернется и посмотрит на тебя, и, если ты ей понравишься, она будет танцевать с тобой. Если нет, она отойдет». И они посоветовали «трахать каждую телку, какая попадется под руку».

Самир отчасти объясняет свое поведение тем, что он «дитя двух мачистских культур», но его мировоззрение мало чем отличалось от представлений других ребят, с которыми я беседовала, и не зависело от этнической принадлежности. Сексуальные

победы стали для него мерилом мужественности. Вечер проходил зря, если он не получал телефонный номер девушки. Его настойчивость так раздражала, что некоторые одноклассницы стали избегать его. Однажды, в одиннадцатом классе, он так нагло приставал к своей тогдашней девушке, которую искренне любил, что она вышла из машины, хлопнула дверью и ушла к своей подружке. «Я знал, что виноват, — сказал он, — но не понимал, *почему*, а она не смогла объяснить. Я подумал: *Почему ей этого не хочется? Что с ней не так?* После этого наши отношения испортились».

В небольшом колледже на Тихоокеанском северо-западе, куда поступил Самир, студентам прочли обязательную лекцию об обоюдном согласии. Однако и после нее парень считал насильниками только стремных типов, что нападают на женщин в темных закоулках; а еще мерзавца, который на вечеринке дал одной из его сестер «Рогипнол» (снотворное). «Ясно, подумал я, — вспоминает Самир, — если я увижу подозрительного чувака или если девушка попадет в неприятную ситуацию, я буду героем, спасу ее и совершу подвиг! Вот и все, что я усвоил на лекции по обоюдному согласию».

Через пару месяцев Самира познакомили с Анвен на вечеринке, которая проходила вне кампуса. Она была родом из небольшого городка на северо-западе страны и обожала парные танцы — линди-хоп, блюз, танго. Она даже сама шила юбки, которые красиво взметывались, когда она кружилась. Миниатюрную худенькую девушку впечатлил высокий широкоплечий парень в элегантной серой рубашке с черным галстуком. А его поразили ее глаза и улыбка. «Я подумал: “Ничего себе! Она сногшибательная”, — сказал он. — И захотел познакомиться с ней ближе». Она согласилась потанцевать с ним при условии, что они не будут прижиматься друг к другу. Самир заверил ее, что умеет танцевать свинг. «И пока я пытался поразить ее своими талантами, она хохотала надо мной минут пять», — вспоминает он.

Через несколько дней он нашел ее в социальных сетях и пригласил на свидание. Она не знала, что ответить. С одной стороны, она не была уверена, что ей это интересно, с другой — сомневалась, что ей это неинтересно. «Давай просто погуляем», — предложила Анвен наконец. Они решили сходить в боулинг, но все дорожки были заняты. Тогда они просто купили мороженое в местном магазине — причем девушка заплатила за себя сама, ведь это было ненастоящее свидание, — и сели на скамейку. Оба потом вспоминали, что им понравилось общаться, они болтали и смеялись несколько часов. В другой раз они пошли гулять. Затем Самир подвез Анвен до ее общежития, обнял на прощание и поцеловал — довольно скромно. Хотя девушка до этого целовалась только с одним парнем, она поняла, что никакого влечения она не испытывает. Самир продолжал ей писать, приходил пару раз на танцы, привез ей суп, когда она заболела. Она вела себя довольно холодно. Наконец вообще перестала отвечать на сообщения, и, решив, что он ей неинтересен, Самир поставил на этом точку.

Той весной они оба вступили в студенческие организации. Анвен не интересовалась сестринствами, но все ее подруги только об этом и говорили, так что она наконец согласилась. Самир, который в старшей школе фанател от фильма «Король вечеринок», был рад дать клятву. «Я считал, что колледж — это место, где, конечно, многим учатся, но еще и веселятся на полную катушку», — сказал он. Всю осень он ходил мимо дома братства, куда надеялся вступить, смотрел на девушек, которые заходили туда в своих откровенных нарядах, слушал орущую музыку. «Мне казалось, это предел мечтаний», — сказал он. Однако окончательное решение он принял после разговора со старшим членом братства об общественной работе и о том, что надо помогать развитию местного сообщества. Самиру это понравилось, поскольку он скучал по волонтерству, которым занимался с отцом. «Оказалось, что все это чистой воды

надувательство, — сказал он. — В двух словах: смысл братства — пьянство и девчонки». Как многие ребята, с которыми я беседовала, Самир сразу сказал мне, что его братство было «не самым худшим», не самым «мерзким» и что другие братства имели репутацию насильников. «С тем же успехом, — добавил он, — я мог бы сказать, что из всех акул мы были наименее смертоносными. Типа: “Ну да, мы убиваем только *одного* человека в неделю!” Но это все равно убийство. Так что какая разница?»

Анвен знала, что Самир придет на грандиозное празднество в честь новых участников братств и сестринств. Собираясь на вечеринку, она в шутку сказала подругам, чтобы те ни в коем случае не дали ей уйти вместе с ним. Девушка оставила куртку в комнате одного из студентов, которую использовали вместо гардероба, вышла оттуда и почти сразу столкнулась с Самиром на лестнице. «Привет, — сказала она. — Слушай, я хочу извиниться, что перестала тебе отвечать». — «Ничего страшного, — ответил парень. — Я понимаю. Тебе не нужны отношения».

«Не совсем, — подумала она, — мне не нужны отношения с тобой». Но, конечно же, она не произнесла этого вслух. Она просто улыбнулась и спустилась в подвальное помещение, чтобы потанцевать с подругами. Через некоторое время Самир присоединился к ним, и они стали танцевать вдвоем. Свинг перешел в блюз, но, когда они начали обниматься и целоваться, прижавшись к стене, Анвен стало не по себе. Самир схватил ее за руку и повел в смежную комнату, где усадил к себе на колени. Анвен было приятно, что ее обнимают, но она не хотела, чтобы это был Самир, и не знала, как прекратить это, не задев его чувства. Краем глаза она вдруг увидела знакомого парня и понадеялась, что тот что-то заподозрит и вмешается. Но он ничего не понял. Наконец девушка сказала Самиру, что ей пора домой. Но оказалось, что комната, где она оставила куртку вместе с телефоном, студенческим и ключом от общежития — то есть всем, кроме гигиенической помады, — была заперта, а хозяйина они

так и не смогли найти. Самир раздобыл его телефон у кого-то из знакомых и попытался позвонить, но звонок переключился на голосовую почту. Они обыскали дом на тот случай, если кто-то переложил вещи Анвен в другое место, но безрезультатно. Более того, ее подруги, которых она просила ни в коем случае не отпускать ее одну с Самиром, куда-то пропали.

Самир решил, что это его шанс: раз ей некуда деваться, он предложил ей пойти к нему в комнату, но Анвен отказалась. Он стал настаивать в своей привычной манере. «Помню, как я включил классического нытика, — сказал он мне. — Типа: “Ладно, уходи, меня все бросают”. Ну, знаете: “О горе мне, горе, моя жизнь — страданье, пожалей меня, не бросай”. Надавил на жалость. И это сработало». Было поздно. Было холодно. Анвен не знала, что делать, — и наконец согласилась. Когда они вышли из братства, она заметила ребят из своего общежития и, поблагодарив Самира, сказала, что догонит их и доберется вместе с ними до дома. Но он не собирался так легко сдаваться. «Ты только что меня целовала, а теперь бросаешь? Так не делается», — сказал он. Она посмотрела вслед уходящим ребятам, гадая, сможет ли она их еще догнать. Если нет, то что же она будет делать? В общем, она решила взять ситуацию в свои руки и сказала Самиру: «Хорошо, давай сядем где-нибудь и поговорим об этом». Они зашли в учебное здание, которое было открыто всю ночь; Анвен слышала, как люди свистят им и кричат: «Сделай ее!» Они сели на диван в холле, и она попыталась объяснить Самиру, что не хочет встречаться с ним, не хочет вообще *ничего*; в то же время она старалась не обидеть его, успокоить его, сказала, что он замечательный парень и ей было очень приятно с ним танцевать. Получилось сумбурно. Однако кое-что она четко обозначила: «Я не хочу заниматься с тобой сексом». — «Ничего страшного, — ответил он. — У меня все равно нет презерватива». Хотя это сложно назвать адекватным ответом на ее слова.

Они снова стали целоваться, и Самир, все еще сильно пьяный, уложил Анвен на диван. «Я могу сделать тебе приятно», — обещал он, прижимаясь к ней всем телом.

«Он был намного больше меня, — вспоминала Анвен. — Я не могла пошевелиться. В тот момент я начала паниковать. Я сказала: нет, не здесь». Он повел ее в мужской туалет, прижал к стене, как в голливудских фильмах, и снова принялся целовать. Она опять сказала: не здесь.

Самир позвонил своему соседу по общежитию, и тот нехотя согласился освободить комнату. По их правилам, приводить девушек после двух ночи запрещалось, но Самир его уломал: «Пожалуйста, только один раз!» Когда они пришли в общежитие, Анвен сняла шорты, в которых была на вечеринке, оставшись только в легинсах и топе с бретельками. Она положила контактные линзы в рюмку, наполненную водой (плохая идея). Затем ушла в туалет. Сидя там, она ломала голову, стараясь вспомнить хоть одного общего друга, чей телефон мог быть в телефонной книге Самира. «Что ты творишь? — думала она. — Что ты творишь?» Может, переночевать в общей комнате общежития? «Но я знала: он скажет, что это глупо — у него есть и кровать, и одеяла». Голова гудела. Было так поздно. Она жутко устала. Ей просто хотелось спать. Оглядываясь назад, Анвен жалеет, что не обратилась к охране кампуса. Она жалеет, что не догнала тех двух парней из своего общежития. Она жалеет, что ее подруги бросили ее. Она жалеет, что парень из братства, который запер ее вещи в своей комнате, не предупредил ее, что уходит. Она жалеет, что не живет в том веке, когда люди еще помнили телефоны своих друзей наизусть. «Столько сожалений, — сказала она мне. — Столько сожалений». Люди далеко не всегда принимают решения, которые задним числом кажутся очевидными. Произошло совсем не то, чего она ожидала, — отчасти из-за ее собственных решений, отчасти из-за слепого случая.

Когда она вернулась в комнату Самира, он включил песню Skinny Love группы «Бон Ивер», потому что Анвен сказала, что

это одна из ее самых любимых песен. Он стал снова целовать ее, прижав к закрытой двери, поднял на руки и понес на кровать, затем лег на нее сверху. Он знал, что ее сексуальный опыт весьма ограничен. Его опыт тоже не отличался разнообразием, но девушки, с которыми он был близок, «любили пожестче», или, по крайней мере, так ему казалось. Поэтому он начал сильно давить Авен между ног.

«Черт, — сказал он, — я так тебя хочу». — «Ты же помнишь, что я не хочу заниматься сексом», — ответила она. «Да-да, у меня все равно нет презерватива», — повторил Самир.

Через несколько минут он сказал ей: «Сними футболку», и это прозвучало как приказ, а не просьба. Не успела она поднять свой топ наполовину, как он схватил ее грудь и стиснул. Ее вдруг захлестнула волна отвращения, и она отдернулась, выпалив: «Нет!» — «Ясно, — сказал он. — Этим займемся позже». Самир решил попробовать снова, когда Анвен расслабится. Он приписал ее колебания волнению и неопытности. Теперь он решил взять на себя роль «хорошего парня», «наставника», который поможет ей и не осудит. Он взял ее руку, положил на ширинку своих спортивных брюк и стал тереть, затем достал свой пенис. «Поиграй с ним, — предложил он. — Он не кусается».

Самир все еще крепко сжимал руку девушки. «Надо же, ты правда никогда этим не занималась, да? — сказал он, затем добавил: — Губами будет еще лучше».

Он положил руку ей на голову и, как вспоминает Анвен, «стал давить, давить, давить». «Я никогда этим не занималась. И мне было неприятно. Я не хотела этого. Я задыхалась. Меня тошнило».

Решив, что по неопытности она устала от «полезных советов», которыми он ее снабжал, Самир отпустил ее голову. «Да, мне сложно угодить, — произнес он, считая себя великодушным, встал и ушел в ванную. — Закончу сам и вернусь».

Анвен вспоминает, как она повторяла про себя: «Я не хотела тебе угодить. Не хотела тебе угодить».

Самир вернулся и поцеловал ее перед сном. И следующие несколько часов она лежала в постели, на самом краю, рука парня была у нее на животе, и она с тоской смотрела на пустующую кровать его соседа по комнате. И тихо плакала про себя. А потом заснула.

Что касается парня, для него эта ночь прошла удачно. На следующее утро он одолжил ей свой свитшот, втайне надеясь, что, если девушка возьмет одежду, появится предлог увидеться снова.

«Он слишком велик для меня!» — сказала Анвен.

Самир рассмеялся. «Это я слишком велик для тебя!»

Он проводил Анвен до ее общежития и поцеловал на прощанье. Когда кто-то открыл запертую дверь, выходя из здания, девушка схватилась за нее и юркнула внутрь. «Как прошла ночь?» — сразу пристала с расспросами соседка. Анвен промолчала. Несколько дней спустя она сказала подругам, что провела ночь с Самиром и они занимались сексом. «Я не знала, что дальше делать, — вспоминает она. — Неужели это значит, что мы с ним теперь пара?»

Они встретились еще раз, якобы чтобы позаниматься. Он прижал ее к столу и целовал, надавливая коленом между ног. «Тебе нравится, правда?» — спросил он. Ей не нравилось, и она высвободилась. После этого девушка перестала отвечать на его сообщения — снова. Самир был расстроен, но отнесся к этому философски: «В нашем колледже люди часто перестают общаться после секса, потому что чувствуют себя не в своей тарелке и не знают, что сказать». Он так и не понял, что в чем-то виноват, а Анвен ничего ему не сказала. По сути, она старательно избегала его, уходила из комнаты, если замечала его.

Все же она не могла забыть ту ночь: эта картина возникала перед глазами в самые неожиданные моменты, вызывая приступ паники и тошноты, особенно когда она читала или говорила о чем-то, связанном с сексом и насилием. Анвен всегда была круглой отличницей, но теперь ей никак не удавалось сосредоточиться на занятиях, и ей даже грозили не аттестовать

по одному из предметов. Когда через некоторое время она стала встречаться с другим парнем, физическая близость, особенно оральные секс, вызывала у нее стресс.

До этого момента история Анвен и Самира кажется до ужаса банальной, такие случаи происходят на вечеринках в старшей школе и на кампусах колледжей каждую субботу. Но потом, в начале второго курса, проходя обучение на наставника для новых студентов, Самир попал на презентацию представителя программы Green Dot. Тот объяснял, как разрешать ситуации, связанные с «жестоким обращением с физически более слабой стороной». «Он говорил, что насилие бывает не только физическим, — вспоминал Самир. — Оно может быть эмоциональной манипуляцией и принуждением к сексуальным действиям. Когда ты ставишь человека в ситуацию, в которой он просто не может отказаться, — это насилие. И тут же я вспомнил ту ночь. Я подумал: “Неужели я сделал именно это? Что думает по этому поводу Анвен? Если она считает меня насильником, почему она не заявила на меня?” Я пришел в ужас. Было страшно думать, что я жестоко обошелся с ней, причинил ей боль. И я боялся, что случится, если она заявит на меня. И если все это правда, то кто же я на самом деле?»

По словам Самира, он думал в основном о том, что произойдет с *ним*, если Анвен подаст жалобу: его исключат, а может, посадят в тюрьму. Однако весь следующий год он посвятил глубокому самоанализу. Он записался на другой, более продолжительный курс Green Dot и добился того, чтобы эта программа стала обязательной для новых членов его братства. Он читал все, что мог найти, об обоюдном согласии и здоровых сексуальных отношениях. Затем он записался на курс человеческой сексуальности и романтических отношений и расспросил подруг об их личном опыте. Он начал понимать, что большинство сексуальных правонарушений происходит не между незнакомыми людьми. Оглядываясь назад, он практически уверен, что Анвен не единственная девушка, которой он причинил вред.

Следующей осенью Анвен тоже стала лидером ориентации. Однажды вечером, когда Самир шел домой после очередного мероприятия, он услышал, как она зовет его по имени. Последний раз они разговаривали больше года назад. Он обернулся к ней, и сердце его бешено застучало.

«Мы можем поговорить?» — спросила она. «Конечно».

Они нашли тихое местечко, сели прямо на траву и пару минут болтали на посторонние темы — обоим было неловко.

А потом она сказала: «Я хочу поговорить о той ночи». — «То есть о той ночи, когда ты пришла ко мне в комнату?»

Она кивнула. «Да. Я хочу, чтобы ты сам сказал, что тогда произошло».

Самир прижал колени к груди и обхватил их руками. Он качался вперед-назад. Он попытался заговорить, но во рту пересохло. Он снова попытался и прохрипел: «Я тебя изнасиловал».

Анвен ощутила облегчение. Значит, она не сумасшедшая. Это случилось на самом деле. Но она произнесла: «Я бы не назвала это изнасилованием, — хотя, как она узнает позже, согласно правилам поведения их колледжа, это было чистой воды изнасилование. — Я бы назвала это сексуальным принуждением».

Через минуту девушка добавила: «Я тебя прощаю». — «Если ты не возражаешь, — ответил он. — Только я не думаю, что готов простить себя». Самир рассказал Анвен, чем он занимался для собственного просвещения. Он предложил сдать ся полиции, но она ответила, что не хочет этого. Она только хотела, чтобы они поговорили и парень понял, как эта ночь повлияла на нее. «Конечно, — согласился он. — Как скажешь».

Так что Анвен периодически назначала Самиру встречи, и они беседовали. «Оказывается, я не видел ее так долго потому, что она специально запомнила мой график, чтобы нигде не пересекаться со мной. Один взгляд на меня мог довести ее до эмоционального срыва и испортить весь день». Они встретились несколько раз, но разговаривать с Самиром лицом

к лицу было нелегко для Анвен. Уехав за границу на целый семестр, она снова оборвала с ним связь.

Следующий раз они увиделись осенью последнего курса, на студенческом марше «Вернем себе ночь». Анвен находилась там как жертва насилия; Самир пришел в поддержку своей новой девушки, у которой тоже был печальный опыт сексуальных домогательств. «Странная ситуация, — признал он. — Я очень злился на того, кто посмел сделать такое с женщиной, которую я любил всем сердцем, но при этом сам совершил то же самое». Сексуальные действия вызвали у его девушки посттравматический стресс. «Что-то с ней происходит, ее глаза будто застывают, и она мысленно возвращается в тот момент, когда ее изнасиловали. Мне пришлось научиться замечать эти признаки и помогать ей: я бросаю все дела и изо всех сил пытаюсь поддержать ее, чтобы вывести из этого ужаса и вернуть в реальность». Самир уделяет большое внимание согласию: он действует медленно, осторожно и проверяет на каждом шагу, что она не только не возражает, но и получает удовольствие.

Самир переживал, что не заслуживает быть на этом марше, что само его присутствие — уже надругательство, но его девушка, которая знала о нем все, сказала, что без него она не справится, и он пошел. В конце шествия поставили микрофон для всех, кто хотел высказаться, и Анвен неожиданно для себя решила рассказать свою историю. Она переглянулась с Самиром, который сидел всего в нескольких футах от нее. «Так страшно мне еще никогда не было, — вспоминает Самир. — Я думал: “Черт! Боже мой! Да что же это такое!” Я не знал, что она скажет. Но она рассказала — без подробностей — о том, что с ней случилось, а в конце сказала: “Если человек, который сделал это со мной, выйдет и расскажет свою историю, надеюсь, вы его выслушаете”».

Она надеялась, что Самир наберется мужества и публично ответит за свои действия, чтобы все могли его выслушать

и принять его раскаяние, осудив при этом за преступление. Самир был поражен ее великодушием. Но в тот вечер он промолчал.

Примерно в то же время одна из близких подруг Анвен официально заявила в полицию на парня, который сделал с ней примерно то же, что и Самир. Разница заключалась только в том, что девушка в тот момент была без сознания. Она попросила Анвен пойти с ней на слушания, где студенты и свидетели будут давать показания и подвергнутся допросу специально обученного комитета, состоящего из трех преподавателей и сотрудников колледжа. Комитет признал парня виновным в противоправных действиях, но ни к чему особенному это не привело. Его надолго отстранили от занятий и назначили еще какое-то мелкое наказание. Девушка была довольна — она добивалась *хоть какой-то* общественной реакции. Однако Анвен подозревала, что тот парень, который до тех пор был и ее другом, так и не осознал свою вину.

Весь этот процесс, общение с преподавателями и сотрудниками колледжа, несколько сессий с психотерапевтом, другом ее мамы, помогли Анвен понять, что она тоже хочет подать жалобу. Однако ей не нравился стандартный дисциплинарный процесс, в котором ни обвиняемый, ни обвинитель не имели права голоса относительно последствий. Насилие породило у нее чувство беспомощности. Девушка не хотела, чтобы приговор вверг ее в такое же состояние. «Моей подруге требовалось, чтобы кто-то влиятельный и авторитетный сказал тому парню, что он виноват и будет наказан, — объяснила она. — Это обоснованное желание. Но мне нужно было активно участвовать в решении, которое не только исправит нашу проблему, но и поможет достучаться до других людей». Она не думала о том, чтобы Самира отстранили или исключили. Она хотела, чтобы он принял активное участие в поиске решения — мечтала изменить его, а не наказать. «Я не желала исключительно наказания, — подтвердила девушка. — Сегодняшняя система

порождает ненависть, потому что вердикт навязывается чужими людьми. У тебя нет шанса по-настоящему понять человека. Я верю, что мы способны на сострадание, но для этого нужно поговорить друг с другом. Нужно выслушать историю от первого лица».

Как чудовище становится мужчиной

Директор по студенческой дисциплине Фрэнк Чириони давно призывает к так называемой практике восстановительного правосудия, хотя никогда лично не использовал ее в делах о сексуальных правонарушениях. В случае традиционных дисциплинарных заседаний комитет колледжа, не имеющий личной заинтересованности, определяет, нарушил ли обвиняемый правила, а затем выносит соответствующее наказание. Однако восстановительное правосудие (этот термин охватывает целый ряд мер) стремится, насколько это возможно, «возместить вред». Обученные координаторы сопровождают всех участников — тех, кому причинили вред, будь то индивид или сообщества, а также тех, кто ответственен за причиненный вред, — на протяжении многоступенчатого процесса. Он основан на сотрудничестве и взаимодействии, в ходе которого они говорят об инциденте, о его влиянии, о потребностях, а также об ответственности и обязательствах. Хотя основная цель процесса — исцеление жертв, восстановительное правосудие стремится преобразовать жизнь всех участников, чтобы виновные действительно почувствовали свою ответственность и риск повторного преступления был сведен к минимуму [4]. Восстановительная практика используется во всем мире для решения таких разнообразных проблем, как подростковая преступность, убийства, геноцид и последствия гражданской войны; ее уже применяют на кампусах по таким правонарушениям, как мошенничество и потребление алкогольных напитков

несовершеннолетними. Изучив 659 дел по противоправным действиям в 18 колледжах и университетах, Дэвид Карп, социолог и директор Центра восстановительного правосудия в Университете Сан-Диего, пришел к выводу: студенты, прошедшие через восстановительные процедуры (в отличие от карательных), чаще заявляют, что их мнение действительно выслушали, что они действительно готовы понести ответственность за свои действия, что процесс был справедливым и они готовы начать новую жизнь [5]. Они также чувствуют более сильную поддержку своего колледжа.

Восстановительное правосудие — это не панацея. «Ответчики», как их обычно называют, должны с самого начала признать свою вину, а всегда есть те, кто отказывается это сделать, или кому безразлично влияние их действий на жертву, или кто не способен на обсуждение нравственной стороны дела. Кроме того, восстановительное правосудие не может заменить другие формы правосудия, хотя способно сузить рамки их применения. Как и традиционные слушания, восстановительное правосудие далеко не всегда достигает своей цели и требует дополнительных мер. Есть риск, что жертвы, которые на самом деле хотели бы добиться более жестких карательных результатов (например, исключения из колледжа), сочтут, что администрация и сверстники давят на них, чтобы они отказались от этого пути. Более того, как отмечает Джудит Льюис Герман, профессор психиатрии Медицинской школы Гарвардского университета, без феминистского лидерства «местные стандарты» восстановительного правосудия могут быть подвержены традиционно предвзятому отношению к жертвам сексуального насилия [6]. Идеальной системы не существует, но восстановительное правосудие действительно предлагает важную альтернативу сегодняшним судебным разбирательствам, которые так часто наносят новую травму жертвам и ожесточают виновных [7]. В идеале забота о потребностях жертвы, о просвещении и укреплении сообщества должна

способствовать желанию заявить о правонарушении, увеличить количество преступников, которые понесут ответственность за свои действия, и вдохновить на культурные изменения. «Я часто задаюсь вопросом, — говорит Карп, — при каких условиях студенты смогли бы признать свою ответственность за вред, причиненный другим людям? Нынешние системы делают прямо противоположное. Они ставят этих парней в такое положение, что у тех есть только один разумный выход — отрицать вину, свести ее к минимуму или переложить на других. От родителей, от своих адвокатов, от Бретта Кавано, от всех вокруг они слышат, что это единственный способ защититься от ужасных обвинений в сексуальном насилии. Мы прокладываем путь к признанию вины и к осознанию причиненного вреда. Это главная цель процесса».

Чириони лично заинтересован в восстановительном правосудии. В начале 2000-х годов, будучи младшим научным сотрудником, он более шести месяцев сексуально домогался своей коллеги, уговаривая ее встречаться с ним. Наибольшую активность он проявлял, когда у девушки завязались отношения с одним из членов его братства («Почему он, а не я?»). Наконец она заявила на Чириони, но, хотя его признали виновным, ни выговора, ни наказания не последовало. Он даже не потерял работу. А главное — ничего не усвоил из этого опыта. Несколько лет спустя, учась в аспирантуре, он преследовал студентку младших курсов: демонстрировал свой сексуальный интерес, недвусмысленно к ней прикасался, убеждал увидеться с ним вне занятий. Девушка тоже на него заявила. Хотя Чириони опять не понес никакого значимого наказания, его обязали прочитать официальное обращение студентки, в котором та подробно объяснила влияние его действий на ее жизнь. И эта мера попала прямо в цель. «Я впервые по-настоящему понял, какие чувства я вызвал у этой женщины, — вспоминает Чириони. — Вот тогда моя жизнь изменилась, и, вероятно, именно поэтому несколько лет спустя я стал изучать

восстановительное правосудие и задумался: *это оптимальный способ добиться взаимопонимания*. У вас больше шансов изменить что-то, когда вы говорите человеку: «Мы не станем исключать вас из колледжа или лишать работы; мы вам поможем. Вы не плохой человек, но ваше поведение тревожит. Нужно проанализировать его, понять его причины и почему вы видите для себя только этот путь»».

«Все мы не без греха, — продолжил он. — Все мы причиняем боль друг другу. Одни проблемы глубже других. Главное — решить, при каких условиях мы можем взять на себя ответственность и исправить ситуацию».

Изначальное отношение Самира к Анвен представляло собой яркий пример гендерной социализации и невежества. Однако последующие действия парня — вместе с осознанностью Анвен и ее желанием найти альтернативное решение — внушают Чириони надежду, что их случай станет идеальным пробным примером восстановительного правосудия при сексуальных правонарушениях. «Когда я сказал Самире, что на него подали жалобу, — рассказывал Чириони, — он сразу ответил, что понимает, о чем идет речь, и готов взять на себя полную ответственность».

В течение семестра Чириони много раз разговаривал отдельно с Анвен и Самиром. Это так называемые предварительные беседы, на которых он объяснил смысл восстановительного правосудия, выслушал их описание инцидента, подготовил их к совместной встрече. Анвен уже объясняла Самире, какое колоссальное влияние та ночь оказала на ее жизнь. Теперь же она хотела донести до него конкретные детали. Девушка решила, что он должен прочитать все, что она написала об этом: стихи, эссе, статьи, ее официальное заявление. В жизни Самира не было опыта тяжелее. «То, что я счел неловкой ситуацией, в которой пытался быть учителем для неопытной девушки, для нее обернулось кульминацией страха, дискомфорта и насилия — и чудовищной боли. Я всегда старался быть справедливым

и относиться к людям с любовью и уважением. А этот парень, который принудил девушку к сексу? Это не я».

«Было сложно не считать себя чудовищем, — продолжил он. — Мне кажется, это слово лучше всего характеризует мои действия. Как я мог причинить столько боли такому милому и доброму человеку, как Анвен? Я всем сердцем себя ненавижу. Более того, я скорбел. Я чувствовал себя ужасно. Готов был сделать все, чтобы облегчить ее страдания. *Все что угодно*».

Анвен попросила его написать письмо с извинениями. Она не добивалась того, чтобы Самир мучился чувством вины. Ей не было нужно, чтобы он стыдился себя. Она не хотела, чтобы он соглашался на все ее требования. Она желала, чтобы Самир что-то предпринял, задумался, предложил свои идеи о том, как по возможности все исправить. В итоге они составили план. Самир обязался рассказать свою историю публично. Он написал статью для студенческого журнала (под своим настоящим именем). Вместе с Анвен он подготовил речь для выступления на тренинге Green Dot, который, отчасти благодаря усилиям Самира, стал обязательным для всех новых членов студенческих братств. Парень дал мне интервью для этой книги. Он также старался просветить других мужчин относительно обоюдного согласия и насилия. Он встречался с представителями местных старших школ, надеясь поговорить с ребятами и показать им, что человек, совершивший сексуальное насилие, может быть самым обычным парнем — а также призвать их принимать верные решения, чтобы им не пришлось, как ему, учиться за счет страданий других людей. Однако никто не спешил допустить признанного насильника к своим ученикам. Очень жаль, потому что Самир — как раз тот парень, которого нужно выслушать мальчикам: он такой же, как они, такой, каким они *могли бы* стать. «Такие случаи, как с Анвен, не редкость, — сказал Самир. — Именно так парни привыкли действовать. Наши знания об общении и сексуальных отношениях бесконечно малы. Нам не к кому обратиться за советом,

чтобы понять, что значит быть хорошим партнером, хорошим любовником. Поэтому многие из нас виновны в подобных действиях, и нужно говорить об этом и взять на себя ответственность».

Самир стал обсуждать эти темы со своими друзьями, критикуя их сексуальные привычки. «Они такие: “Я переспал с этой девчонкой! Было классно!” А я спрашиваю, понравилось ли ей. Парни так удивляются. А я говорю: “Ты ее хоть спросил?” Тогда они либо молчат, либо отвечают, что это было бы слишком странно. Но почему это странно?

Это уже стало моей привычкой, я всегда говорю об этом с моими друзьями, а еще провожу мини-опрос для своей партнерши. “Что тебе понравилось? Что не понравилось? Что бы тебе хотелось попробовать?” Это стандартный разговор, который просто необходим. Иначе люди будут и дальше заниматься плохим сексом, симулировать оргазм и врать друг другу о том, что доставляет им удовольствие».

В рамках процесса Анвен и Самир также встретились друг с другом при посредничестве Чириони. Хотя они уже общались до подачи заявления, в официальной обстановке Анвен разнервничалась. Самир тоже волновался, не зная, как себя вести. Девушка хотела получить ответы на несколько вопросов: «Почему ты это сделал? Разве ты не видел, что я паникую? Откуда мне знать, что ты никогда больше этого не сделаешь?» Самир рассказал обо всем, что прочитал за это время, о своих размышлениях, беседах, тренингах и курсах, на которые он записался. «Если все эти усилия и информация не изменят меня навсегда, — сказал он, — то мне уже ничего не поможет».

Во время нашей беседы, говоря о своем прошлом, парень иногда называл себя «молодым Самиром» или «первокурсником Самиром». И я его прекрасно понимаю. Он сильно изменился — стал вдумчивым, сострадающим, чутким к переживаниям и комфорту других людей. Его поведение даже

слишком идеально — такого просто не бывает, словно он мифический единорог или что-то в этом роде. С другой стороны, в «молодом Самире» не было ничего, что намекало бы на то, что такое преобразование возможно. Он был самым обычным парнем, с самыми обычными для парней представлениями и вел себя так, как и все самые обычные парни. Он не был исключением, и, если он смог так сильно измениться, может, другие тоже сумеют. «Когда понимаешь, что совершил ужасный проступок, ты боишься осуждения и отвержения со стороны друзей — что не удивительно. Вот почему я всеми руками за восстановительное правосудие: я верю, что люди, особенно мужчины, способны на доброту, сострадание, достойное поведение и, если им скажут, что они поступили неправильно, они примут на себя ответственность».

Анвен и Самир окончили колледж. Он вернулся в Калифорнию, стал барменом. Она поселилась в домике с настоящей дровяной печкой на Тихоокеанском северо-западе. Они все еще общаются раз в месяц и не собираются прерывать контакт. Хотя восстановительное правосудие не ставит перед собой такую цель, между ними зародилась совершенно неожиданная близость. «Это круто, — сказала Анвен, — нам понадобился не один год, чтобы прийти к этому. Но я знаю о худшем поступке в его жизни, а он знает, что причинило мне самую большую боль. Так что я могу говорить с ним обо всех своих проблемах. Потому что уверена: он многое сделал, чтобы стать понимающим, заботливым, зрелым человеком».

Сегодня, когда Самир рассказывает людям свою историю, те стараются оправдать его, говорят, что его поступок «не такой уж страшный». Это его раздражает.

«Это же не соревнование, — возмутился он. — К тому же что вы имеете в виду — не такой уж страшный? Принудить человека к сексу против его воли, эмоционально манипулировать им — это *не так уж и страшно*? Поддерживать культуру, которая лишает людей возможности отказаться и быть собой

или заставляет их жить в страхе — это *не так уж и страшно*? Вы влияете на жизнь других людей. И вы считаете, что это *не страшно*? Такую оценку я просто не готов принять.

Это даже странно, — добавил Самир. — Некоторые люди с такой готовностью защищают правонарушителя, оправдывают его действия и пытаются выставить его в таком свете, будто он неплохой парень. А другие говорят: “Вы издеваетесь? Да он самый настоящий выродок, никчемный мерзавец”. Одни крайности. Восстановительное правосудие и беседы с Анвен помогли мне взглянуть на ситуацию с другой точки зрения. Моя цель — видеть в себе человека, который совершил нечто ужасное, а не просто плохого человека. Это не так-то просто. Не знаю, получится ли у меня когда-нибудь. Главное — понять, что ты поступил плохо, и никогда больше не делать этого, и каждый день активно работать над тем, чтобы стать лучше. Стать достойным мужчиной».